

34

Ж 8354

А. Тунъ.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Переводъ Вѣры Засуличъ, Д. Кольцова и др.

Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ Л. Дейча,
предисловіемъ Г. Плеханова,
статьями: „Восьмидесятые годы“ Д. Кольцова,
„О соціальной демократіи въ Россіи“ Г. Плеханова
и примѣчаніями П. Лаврова.

Цѣна 4 р. 80 к.

ФИЛИАЛ

ИЗДАНИЕ
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
1918.

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красно-
армейскихъ Депутатовъ.

Смольный, 2-й этажъ, комната 51, телефонъ—34, контора—комн. 54.

Книжный магазинъ. Невскій, 116.

Вышли изъ печати:

	Цѣна.
	Р. К.
Н. Афиногеновъ (Степной). «Записки ополченца»	1 25
Гайкъ Ад-янцъ. «Крестьянскій вопросъ во Франціи»	— 55
Ватинъ. «Что такое коммуна?»	— 20
В. Володарскій. «Напутственная рѣчь агитаторамъ»	— 50
«Враги ли евреи рабочимъ и крестьянамъ»	— 20
«Вѣнокъ коммунаровъ», сборн. памяти В. Володарскаго, съ рис.	2 —
Н. Горловъ. «Темныя силы, война и погромы»	— 15
«Евреи, классовая борьба и погромы»	— 10
Г. Зиновьевъ. «Корни оборончества»	1 10
Его же. «Наше положеніе и задачи созданія красн. арміи»	— 25
Его же. «Австрія и война»	1 80
Его же. «Изъ исторіи пролетарск. праздн. 1 мая»	— 30
Его же. «Г. В. Плехановъ. Вмѣсто рѣчи на могилѣ»	— 45
Его же. «Хлѣбъ, миръ и партія»	— 70
Его же. «Рабочая партія и профессиональные союзы»	2 25
К. Каутскій. «Наука, жизнь и этика»	— 30
Его же. «К. Марксъ и его историческое значеніе»	1 25
Его же. «Экономическое ученіе К. Маркса»	2 —
Кій. «Что такое социализмъ?»	— 65
П. Лафаргъ. «Вѣра въ Бога»	— 75
Н. Ленинъ и Г. Зиновьевъ. «Противъ теченія». Печ. 2-е изд.	7 —
В. Либкнехтъ. «1848 годъ и коммуна»	1 30
З. Лилина. «Солдаты тыла». Женскій трудъ до и послѣ войны	2 10
А. Луначарскій и Г. Зиновьевъ. К. Марксъ и социал. рев.	— 65
М. Лурье (Ю. Ларинъ). «Судъ надъ К. Либкнехтомъ»	— 45
Ленинъ. «Докладъ и заключительная рѣчь на 3-мъ Всеросс. съѣздѣ Сов.»	— 12
Радекъ. «Анархисты и Совѣтская власть»	— 40
Бухаринъ. «Долой международныхъ разбойниковъ»	— 40
Ленинъ. «Борьба за хлѣбъ»	— 40
К. Цеткинъ. «Война за свободу и миръ въ Россіи»	— 40
М. Лурье. (Ю. Ларинъ) «Крестьяне и рабочіе въ русской революціи»	— 65
Его же. «Составъ пролетаріата». 2-е изд.	— 65
К. Марксъ. «Либералы у власти»	— 70
К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. «О коммунизмѣ»	— 50
Мархлевскій. «Что такое политическая экономія?»	— 20
Нашъ рабочій праздникъ 1 мая	3 —
Памяти К. Маркса. «Сборникъ статей». Печ. 2-е изд.	— 90
Д. Рязановъ. «Двѣ правды» (Марксизмъ и народничество)	— 70
Его же. «Обуховское дѣло»	— 75
Его же. «19-е февраля»	1 80
Его же. «К. Марксъ и русск. люди 40-хъ годовъ»	1 80
Ю. Стекловъ. «Черная сотня во Франціи»	1 20

См. 3 стр. обл.

Дом Плеханова"
№ 1190 А. Тунъ.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Переводъ Вѣры Засуличъ, Д. Кольцова и др.

Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ Л. Дейча,
предисловіемъ Г. Плеханова,
статьями: „Восьмидесятые годы“ Д. Кольцова,
„О социальной демократіи въ Россіи“ Г. Плеханова
и примѣчаніями П. Лаврова.

У. ОБЛИЦА

ИЗДАНИЕ

Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.

1918.

№ 1285

О социальной демократіи въ Россіи.

Письмо къ польскимъ издателямъ „Исторіи революціонныхъ движеній въ Россіи“ А. Туна.

Товарищи!

Вы сдѣлали мнѣ лестное предложеніе изложить въ особой дополнительной главѣ къ книгѣ Туна взгляды и стремленія русскихъ социаль-демократовъ. Я очень радъ сдѣлать это, такъ какъ считаю, что намъ давно уже пора объясниться съ нашими братьями, польскими социалистами.

Но мы не представляемъ собою революціонной секты съ программой, выросшей изъ какого-нибудь особаго утопическаго принципа. Наши нынѣшніе взгляды и стремленія представляютъ собою органической продуктъ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Вотъ почему я долженъ въ своемъ очеркѣ отвести значительное мѣсто оцѣнкѣ этой исторіи.

Впрочемъ не пугайтесь: мои историческія воспоминанія не пойдутъ дальше семидесятихъ годовъ, къ которымъ приурочивается массовое революціонное движеніе такъ называемой у насъ интеллигенціи.

Въ началѣ этого замѣчательнаго десятилѣтія въ нашей революціонной средѣ преобладали два направленія: одно изъ нихъ связывается съ именемъ П. Л. Лаврова, другое съ именемъ покойнаго М. А. Бакунина. Судьба этихъ двухъ направленій была далеко не одинакова!

П. Л. Лавровъ весьма достойно всякаго уваженія, какъ человѣкъ, связавшій съ революціоннымъ дѣломъ всѣ свои симпатіи и антипатіи, посвятившій ему всѣ свои обширныя, разностороннія знанія. Но онъ былъ и навсегда останется *эклектикомъ*. Въ его міросозерцаніи всегда уживались самые разнородные, даже прямо противорѣчивые элементы. Это замѣчала и не разъ указывала еще редакция «Современника». Чернышевскій зло подсмѣивался надъ философскими произведеніями Петра Лавровича; Антоновичъ подвергалъ ихъ рѣзкой критикѣ. До конца шестидесятихъ годовъ никому и въ голову не приходило видѣть въ энциклопедически образованномъ полковникѣ дѣйствительнаго или хотя бы только возможнаго вождя «молодого поколѣнія». Появленіе «Историческихъ Писемъ» значительно измѣнило дѣло. Они имѣли почти такой же

успѣхъ, какъ самыя значительныя сочиненія автора «Что дѣлать?». П. Л. Лавровъ приобрѣлъ огромную популярность. Наша передовая молодежь съ удовольствіемъ, не чуждымъ удивленія, увидѣла въ немъ *революціонера*. И когда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ, бѣжавъ изъ ссылки за границу, приступилъ къ изданію періодическаго изданія «Впередь!», у него между молодыми революціонерами было не мало вѣрныхъ друзей и горячихъ послѣдователей.

Въ литературномъ отношеніи «Историческія Письма» совершенно чужды крупныхъ достоинствъ. Даже болѣе; очень замѣтныя въ нихъ усилія автора отдѣлаться отъ свойственной ему сухости, тяжеловѣсности и неуклюжести изложенія производить тяжелое впечатлѣніе чего-то совершенно неестественнаго: точно слонъ старается протанцевать на канатѣ. Что же касается *содержанія*, то я уже сказалъ, что П. Л. Лавровъ—эклектикъ. Въ его историческихъ взглядахъ, какъ въ земной корѣ при вертикальномъ ея разрѣзѣ, замѣчается цѣлый рядъ постепенно сформировавшихся наслоеній. На нихъ оставила свой неизгладимый слѣдъ каждая изъ сколько-нибудь значительныхъ философскихъ школъ, смѣнявшихъ одна другую въ процессѣ умственнаго развитія западной Европы. Наиболѣе сильное вліяніе имѣли на нихъ, *comme de raison*, нѣмецкіе философы до Бруно Бауера и Макса Штирнера включительно. Въ качествѣ добросовѣстнаго читателя П. Л. Лавровъ ознакомился со всѣми сколько-нибудь выдающимися мыслителями Германіи; въ качествѣ эклектика онъ не согласился вполне ни съ однимъ изъ нихъ, но зато ни одного изъ нихъ цѣликомъ не отвергнулъ. У каждаго нашелъ онъ частицу истины и заботливо перенесъ ее въ пестрое зданіе своихъ собственныхъ взглядовъ. Но странное дѣло! Въ приготовленной такимъ образомъ механической смѣси частицъ различныхъ системъ каждая отдѣльная частица занимаетъ тѣмъ *болѣе мѣста*, чѣмъ *меньше цѣлности* имѣетъ философія исторіи того мыслителя, у котораго она взята. Этотъ законъ *обратной пропорціональности* господствуетъ въ «Историческихъ Писемъ» съ неумолимостью закона природы. Такъ, напримѣръ, Шеллингъ и Гегель совсѣмъ ступеньваются, между тѣмъ какъ Кантъ не перестаетъ смущать автора своимъ ученіемъ о вещи въ себѣ (*Ding an sich*), а Бруно Бауеръ совершенно явственнымъ шопотомъ подсказываетъ ему свою, какъ любятъ выражаться у насъ, *формулу* исторіи. Эта формула очень проста. У П. Л. Лаврова она принимаетъ такой видъ: сущность историческаго процесса заключается въ переработкѣ культуры критически-мыслимыми личностями. У Бруно Бауера «культура» носила названіе «*Wirklichkeit*» или «*das Positive*», а «критическая мысль» называлась «*Kritischer Geist*» или «*Selbstbewusstsein*». Но это ничтожное различіе въ терминологіи нисколько не измѣняетъ дѣла.

Взгляды братьевъ Бауеровъ были реакціей противъ гегелевскаго идеализма. Какъ ни законна была эта реакція, она осталась крайне поверхностной и легковѣсной. Развитіе «самосознанія» служило братьямъ Бауерамъ ключомъ къ объясненію всей исторіи. Совершенно упуская изъ виду, что это развитіе само было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ причинъ, независѣвшихъ отъ воли людей и лежавшихъ внѣ области «самосознанія», Бауеры становились въ философіи исторіи на точку зрѣнія несравненно болѣе идеалистическую, чѣмъ была точка

зрѣнія абсолютнаго идеалиста Гегеля, который уже прекрасно понималъ и очень хорошо выяснилъ, что развитіе человѣческаго самосознанія имѣетъ свои глубокія причины, отъ самосознанія независящія.

Намъ нѣтъ надобности разсматривать здѣсь, почему радикальная реакція противъ Гегеля явилась въ Германіи на первыхъ порахъ въ видѣ крайне поверхностнаго идеализма. Достаточно сказать, что тамъ дѣло очень скоро приняло другой оборотъ. Уже въ своей книгѣ «Die heilige Familie oder Kritik der Kritischen Kritik» Марксъ и Энгельсъ показали полную несостоятельность Бауеровскихъ взглядовъ. Къ концу сороковыхъ годовъ основныя положенія новаго *диалектическаго* материализма были въ главныхъ чертахъ уже выработаны и легли въ «*Манифестъ Коммунистической Партіи*» въ основу практической программы революціоннаго пролетариата. Съ тѣхъ поръ передовая мысль западной Европы навсегда распространилась со всѣми видами и разновидностями идеализма. Этотъ періодъ возникновенія, разработки и пропаганды новаго материалистическаго міросозерцанія является едва ли не самой интересной въ теоретическомъ отношеніи и ужъ несомнѣнно самой важной по своимъ практическимъ послѣдствіямъ эпохой въ исторіи философіи. Но именно этотъ-то періодъ и былъ совершенно неизвѣстенъ П. Л. Лаврову въ то время, когда онъ писалъ свои «*Историческія Письма*». Онъ зналъ все, что было до *Маркса*, но не имѣлъ никакого понятія о *Марксѣ*. Онъ усвоилъ, насколько это возможно для эклектическаго ума, «послѣднее слово» до-марксовской радикальной философіи со всей теоретической бѣдностью, со всей научной безсодержательностью этого «слова», и сталъ строить на фундаментѣ, который къ концу шестидесятихъ годовъ представлялъ собою, благодаря работамъ Маркса и Энгельса, уже одну развалину. При этомъ онъ внесъ и собственную мысль въ планъ возводимой имъ постройки. Такъ, онъ изобрѣлъ, не безъ позимствованій у Огюста Конта, быстро прославившійся у насъ *субъективный методъ въ социологіи*, который не имѣетъ уже ровно ничего общаго съ научнымъ мышленіемъ *), возводя въ систему утопическій взглядъ на общественную жизнь. *Субъективная* россійская «*социологія*» совершенно разошлась съ западно-европейскимъ *научнымъ соци-*

*) Задача науки, посколько она имѣетъ дѣло съ *субъектомъ*, заключается именно въ томъ, чтобы объяснить его посредствомъ *объекта*. Забывать объ этомъ значитъ совершать смертный грѣхъ противъ науки. Но этого мало. Однажды въ разговорѣ съ Экерманомъ Гете замѣтилъ: «Всѣ эпохи упадка субъективны, и, наоборотъ, всѣ прогрессивныя эпохи имѣютъ объективное направленіе. Наше время ретроградно и потому субъективно». Не касаясь здѣсь вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ это общее правило допускаетъ исключенія, мы замѣтимъ, что русская передовая общественная мысль тѣмъ болѣе склонялась къ *объективизму*, чѣмъ богаче она была *революционнымъ содержаніемъ*; и наоборотъ: она становилась тѣмъ болѣе *субъективной*, чѣмъ бѣднѣе ея революціонное содержаніе. Чернышевскій и Добролюбовъ были очень далеки отъ субъективизма. Теперь за субъективный методъ хватаются у насъ такъ называющіе себя социалисты-революціонеры. Но «социалисты-революціонеры»—настоящіе реакціонеры въ русскомъ социализмѣ, и о нихъ не даромъ сказано, что они носятъ двойное названіе единственно потому, что ихъ социализмъ не революціоненъ, а ихъ революціонность не имѣетъ ничего общаго съ социализмомъ.

Прим. къ русск. изданію.

лизмомъ. Когда П. Л. Лавровъ ознакомился съ теоріями Маркса, онъ вообразилъ, что поправилъ дѣло, почтительно признавъ автора «*Капитала*» своимъ «великимъ учителемъ». Само собою разумѣется, что такое признаніе ровно ничего не поправило и не могло поправить.

Въ настоящее время многіе русскіе «соціологи» придерживаются «субъективнаго» метода и стоятъ за него горой. Но та молодежь, которая съ восторгомъ привѣтствовала появленіе «Историческихъ Писемъ», очень мало заботилась о соціологическихъ методахъ. Она увлеклась мыслью П. Л. Лаврова относительно *долги образованныхъ классовъ народу*. Эта мысль давала теоретическое выраженіе ея практическому стремленію увлечь за собою народъ въ революціонную борьбу съ правительствомъ.

Тутъ рассказываетъ, черезъ какія колебанія прошелъ авторъ «*Писемъ*» при выработкѣ программы «*Впередъ!*». Я, съ своей стороны, замѣчу, что та программа, которая была, наконецъ, имъ принята, ни мало не противорѣчила точкѣ зрѣнія «*Историческихъ Писемъ*». Критически-мыслящія личности обязаны перерабатывать культуру. Подъ эту формулу, чуждую самонаиблѣйшаго атома конкретности, очень хорошо можетъ подойти, напримѣръ, мирная дѣятельность представителей нашего земскаго или городского самоуправленія. Но подъ нее съ удобствомъ подходитъ и дѣятельность революціонера. Программа «*Впередъ!*» наполняла ее революционнымъ содержаніемъ, которое было однако, въ свою очередь, до послѣдней крайности отвлеченно *). Перерабатывать культуру

*) Въ доказательство приведемъ чрезвычайно характерный отрывокъ изъ передовой статьи № 34 «*Впередъ!*». П. Л. Лавровъ описываетъ, какъ представляется ему будущій ходъ революціоннаго движенія въ Россіи. «Допустимъ»,—говоритъ онъ,—что 100 убѣжденныхъ личностей изъ молодежи образуютъ первый кадръ социальна-революціоннаго союза; что каждый годъ изъ этой молодежи приступаютъ къ нему новыя лица въ томъ же числѣ, при чемъ лишь половина изъ поступившихъ оказывается годна для дѣйствія въ народѣ. Допустимъ, какъ выше, что изъ дѣйствующихъ въ народѣ въ концѣ каждыхъ двухъ лѣтъ остается дѣлой лишь одна четверть, а число лицъ, не участвующихъ въ пропагандѣ, остается неизмѣнно 50 человекъ. Допустимъ, что каждый пропагандистъ изъ интеллигенціи приобрѣтетъ въ 2 года четырехъ товарищей изъ народа, а каждый пропагандистъ изъ народа въ тотъ же періодъ—втрое болѣе. Допустимъ, наконецъ, что одна четверть членовъ союза изъ народа гибнетъ въ продолженіе 2-хъ лѣтъ. При этихъ предположеніяхъ сдѣлаемъ расчетъ, какъ великъ оказался бы составъ социальна-революціоннаго союза при *разумной* и *члѣсообразной* дѣятельности его членовъ послѣ 2, 4 и 6 лѣтъ.

Мы получимъ слѣдующія цифры:

Изъ интеллигенціи.	Вначалѣ.	Черезъ 2 года.	Черезъ 4 года.	Черезъ 6 лѣтъ.
Вступающихъ	100	100	100	100
Непропагандистовъ	50	50	50	50
Пропагандистовъ	50	50	50	50
Остал. пропагандистовъ	—	12	15	16
Всего пропагандистовъ	50	62	65	66
Всего	100	112	115	116

критической мыслью значило теперь заниматься пропагандой социализма. Но въ представлении редактора «Впередь!» и его последователей эта дѣятельность немедленно приняла совершенно утопическій характеръ. Западно-европейскіе социалисты ведутъ свою пропаганду, опираясь на неотвратимый ходъ экономическаго развитія буржуазнаго общества. Въ немъ видятъ они ручательство за удачный исходъ революціонныхъ усилій. П. Л. Лавровъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ такого взгляда. Съ его «субъективной» точки зрѣнія за успѣхъ социалистовъ ручались отвлеченное превосходство ихъ «идеала» и не менѣе отвлеченная справедливость ихъ требованій. Дѣйствительное положеніе трудящейся массы принималось имъ въ соображеніе лишь съ одной стороны: со стороны ея бѣдности, со стороны ея эксплуатаціи государствомъ и имущими классами. Утописту кажется совершенно яснымъ, что чѣмъ болѣе страдаетъ народная масса, тѣмъ болѣе она должна обнаруживать склонности къ усвоенію

Изъ народа.	Вначалѣ.	Черезъ 2 года.	Черезъ 4 года.	Черезъ 6 лѣтъ.
Привлеченныхъ интеллигенціей . . .	—	200	248	260
Привл. народн. пропаг.	—	—	2400	33576
Осталось	—	—	150	2098
Всего	—	200	2798	35934

Численность социально-революціоннаго союза:	100	312	2913	36050
---	-----	-----	------	-------

Я припомню, что при надлежащей организаціи и при разумномъ дѣйствіи потеря не должна быть столь значительною, какъ здѣсь предположено (она и не была такова при дѣятельности, далеко не удовлетворявшей этимъ условіямъ), но допущу, что пропаганда дастъ, почему бы то ни было, *второе* менѣе выгодные результаты, такъ что послѣ 6 лѣтъ социально-революціонный союзъ будетъ состоять лишь изъ 10000 человекъ, которые усвоили простыя начала: *отрицанія монопольной собственности, обязательности всеобщаго труда для всеобщаго развитія и обязательности всеобщей солидарности рабочихъ-социалистовъ* въ ихъ свободной группировкѣ, т. е. изъ 10000 такихъ, которые способны подчинить всю свою дѣятельность при подготовленіи революціи и послѣ ея совершенія этимъ тремъ началамъ. Прибавимъ, что около этихъ 10000 *понимающихъ* находится несравненно обширнѣйшее число *сочувствующихъ* *прикритическимъ* *требованіямъ* социальной революціи, т. е. насильственному устраненію чиновничества и собственниковъ съ передачею всей власти и всего имущества въ руки народа, хотя при этомъ понятія о солидарности всѣхъ рабочихъ, о необходимости всеобщаго труда и устраненія всякой отдѣльной собственности, наконецъ, о свободной группировкѣ личностей были бы далеко не ясны этимъ многочисленнымъ приверженцамъ социальной революціи. Если мы представимъ себѣ послѣ небольшого періода 6 лѣтъ 10000 сознательныхъ руководителей народнаго движенія, которые сгруппированы въ пяти территоріяхъ, наиболѣе воспримчивыхъ для пропаганды, примѣрно по 2000 въ каждой, и окружены несравненно большимъ числомъ лицъ, готовыхъ каждую минуту идти за ними, чтобы свалить представителей власти и капитала,—то передъ нами такая почтенная *революціонная армія*, которая въ опредѣленную минуту можетъ дѣйствительно совершить историческое дѣло.

Прим. къ русск. изданію.

социализма. Онъ и не подозреваетъ, что способы производства продуктовъ и ихъ обмѣна, существующіе въ данной странѣ въ данное время, имѣютъ рѣшающее значеніе для ея дальнѣйшаго социального развитія. «Впередь!» не шель дальше весьма неопредѣленнаго утопическаго социализма, и вотъ почему онъ, безпрестанно крича о нищетѣ и о вырожденіи русскаго народа, не считалъ нужнымъ взяться за серьезное изученіе *экономики Россіи*.

Народная нищета должна была, конечно, имѣть въ глазахъ главнаго редактора этого журнала и свою оборотную сторону: *задавленность* трудящейся массы, ея *невѣжество*. По этому горю обязана была пособить «критическая мысль» революціонеровъ. Чѣмъ меньше знаній у народа, тѣмъ больше нужно ихъ пропагандистамъ. «Впередь!» требовалъ отъ этихъ послѣднихъ чуть ли не энциклопедическаго образованія. Образование, безъ всякаго сомнѣнія, есть великая вещь. Это прекрасно понимаетъ западный пролетаріатъ. «Знаніе есть сила; сила есть знаніе»,—охотно повторялъ Либкнехтъ. Но вожаки западнаго пролетаріата пользуются своими знаніями для опредѣленія объективнаго хода общественнаго развитія и для выясненія его смысла массѣ. Знанія помогаютъ западнымъ социалистамъ ориентироваться въ этомъ ходѣ, находить матеріальныя, экономическія условія, ведущія къ социальной революціи. П. Л. Лавровъ отводилъ знаніямъ совсѣмъ другую роль. Запасъ знаній, имѣющійся въ распоряженіи даннаго пропагандиста, представлялся ему лишь въ видѣ извѣстнаго количества *доводовъ противъ нынѣшняго порядка вещей и въ пользу социалистическаго общественнаго устройства*. Когда наша революціонная молодежь возстала противъ лавровской проповѣди знанія, она была вовсе не такъ неправа, какъ это кажется, напримѣръ, Туну. П. Л. Лавровъ обвинялъ ее тогда въ невѣществѣ, почти въ вандализмѣ. Но невѣжество ея сказалось только въ томъ, что она,—инстинктивно сознавая, что вопросъ поставленъ Лавровымъ неправильно,—не умѣла опредѣлить, въ чемъ же заключается правильная его постановка.

Вся дальнѣйшая исторія міра сводилась для социалистовъ-утопистовъ, по выраженію «*Манифеста Коммунистической Партіи*», къ распространенію ихъ новаго евангелія. Къ тому же сводилась вся дальнѣйшая исторія Россіи въ глазахъ нашихъ лавристовъ. Въ ихъ утопическомъ полѣ зрѣнія не было мѣста для вопросовъ *политической борьбы*. *Политическая борьба* казалась имъ вредной для интересовъ *социализма*: «Впередь!» твердо держался утопическаго противопоставленія «*социализма*» «*политикѣ*». А такъ какъ его сторонники къ тому же были противъ всякаго рода *агитационной* дѣятельности, которая представлялась имъ вреднымъ отвлеченіемъ силъ отъ единосохраняющей *пропаганды* «социализма», то скоро они сдѣлались *революціонерами только по имени*. Они составили изъ себя довольно высокообразную общину сегтантовъ, упорно и монотонно осуждавшихъ все то, что заставляло сильнѣе биться сердце тогдашняго «*радикала*»: студенческія волненія, рабочія стачки, манифестаціи, сочувственныя политическимъ «преступникамъ», массовые протесты противъ безобразій администраціи и т. п. и т. п. Это очень раздражило тогдашнюю революціонную молодежь; популярность автора «*Историческихъ Писемъ*» быстро падала. Одна изъ политическихъ карикатуръ того времени изображала его бѣдущимъ

верхомъ на рагѣ и держащимъ въ рукѣ знамя съ надписью: «Впередь!», которая была въ глаза, какъ ѣдкая проія. «Лавризмъ» съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ терялъ свое вліяніе. Нѣкоторые изъ его приверженцевъ постепенно превратились въ мирныхъ носителей російскаго прогресса, другіе, болѣе активные, сбрасывали съ себя давившее ихъ иго «критическаго» доктринерства и переходили въ другія фракціи.

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ вліяніе бакунизма было у насъ уже несравненно сильнѣе вліянія журнала «Впередь!». Намъ нѣтъ здѣсь дѣла до того, какую роль игралъ Бакунинъ на Западѣ, и какой видъ приняло тамъ его ученіе. Что касается Россіи, то бакунизмъ скоро сдѣлался у насъ чѣмъ-то въ родѣ *анархическаго славянофильства*. Давно уже было сказано, что *habent sua fata libelli*. Общественно-политическія теоріи тоже имѣютъ свою судьбу, подчасъ очень странную. Сочувствіе къ социальнo-революціоннымъ движеніямъ Запада зародилось и окрѣпло у насъ въ *западническомъ* лагерѣ. Славянофилы видѣли въ нихъ лишь признакъ «*шленія*» старой Европы. Они всегда съ большимъ удовольствіемъ противопоставляли имъ то «*смиреніе*» и ту «*преданность престолу*» которая, по ихъ мнѣнію, составляли отличительную черту русскаго «*народнаго дула*». Вотъ почему въ устахъ всякаго революціонно- или хотя бы только оппозиціонно-настроеннаго русскаго названіе *славянофилъ* скоро сдѣлалось обиднымъ, почти браннымъ названіемъ. Но съ другой стороны, чѣмъ ближе подвигаемся мы къ семидесятымъ годамъ, времени расцвѣта нашего революціоннаго движенія, тѣмъ замѣтнѣе становится вліяніе славянофильства на развитіе нашихъ революціонныхъ идей. Эта кажущаяся странность объясняется очень просто.

Европеизація Московской Руси началась *сверху*, волею перваго русскаго императора, такъ какъ необходимость ея сказалась прежде и сильнѣе всего въ области государственной самозащиты и государственнаго управленія. Долгое время она не переходила за границы этой области. Весь «народъ», вся огромная масса русскаго крестьянства и большая часть такъ называемаго у насъ купеческаго сословія продолжали жить такъ, какъ жили они въ доброе старое время. По отношенію къ непривилегированному сословію петровская реформа повела за собой прежде всего страшный ростъ государственныхъ податей и повинностей, грозившихъ окончательно задавить его подъ своимъ бременемъ. Крестьянинъ протестовалъ, какъ могъ и какъ умѣлъ, вооружаясь иногда вилами и топоромъ, иногда осмысленнымъ крестомъ и старопечатной раскольничьей книгой. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ его протестъ ни по формѣ, ни по содержанію не могъ быть привлекателенъ для русскаго *западника* чистой воды. Наши западники сороковыхъ годовъ 19-го вѣка, глубоко и горячо сочувствуя страданіямъ угнетеннаго и обездоленнаго народа, не видѣли въ немъ никакихъ задатковъ самостоятельнаго прогрессивнаго движенія. Удачный исходъ крестьянскаго возстанія, въ родѣ того, которое совершилось въ XVIII столѣтіи подъ предводительствомъ Пугачева, равносильнъ былъ бы въ ихъ глазахъ гибели всего насаженнаго въ Россіи Петромъ Первымъ. Прибавьте къ этому, что по мѣрѣ усовершенствованія государственной организаціи крестьянскіе бунты

становились все разрозненнѣе и безнадежнѣе, и вы поймете, почему, напримѣръ, у *Бьлинскаго* при всей ненависти его къ современной ему «*дѣятельности*» ни на минуту не возникала надежда на то, что народъ сумѣетъ освободить и просвѣтить себя своими собственными усиліями *). Совсѣмъ незадолго до появленія его знаменитаго, полнаго революціоннаго жара письма къ Гоголю, нашъ гениальный критикъ, страстно сочувствовавшій тогда западному социализму, съ убѣжденіемъ говоритъ въ одной изъ своихъ статей, что все прогрессивное можетъ идти у насъ *только сверху*. Это было очень послѣдовательно, но за то какъ это было безнадежно! Вѣдь Бѣлинскій высказывалъ это убѣжденіе въ царствованіе Николая I,—тулога, фанатичнаго врага всякаго поступательнаго движенія!

Начало царствованія Александра II, этого Манилова на престолѣ, какъ будто подтверждало западническій выводъ относительно прогрессивной исторической роли русской правительственной власти. Самъ Чернышевскій, повидимому, много ожидалъ отъ правильнаго пониманія царизмомъ своихъ «интересовъ». Но уже къ концу 50-хъ годовъ обнаружилась несостоятельность подобныхъ ожиданій, и тѣмъ изъ сторонниковъ «прогресса», которые не могли и не хотѣли сидѣть сложа руки, оставалось разсчитывать только на революцію. Но для революціи нужны силы. Гдѣ могли и гдѣ должны были искать ихъ тогдашніе русскіе революціонеры?

При томъ взглядѣ на народъ, который господствовалъ въ кружкахъ нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ, всякіе расчеты на него, какъ на революціонную силу, являлись нелѣпой фантазіей. Но въ шестидесятыхъ годахъ взглядъ этотъ долженъ былъ значительно поколебаться уже въ силу того простаго обстоятельства, что уничтоженіе крѣпостнаго права вызвало въ крестьянствѣ значительное возбужденіе. Широкое, повсемѣстное возстаніе бывшихъ крѣпостныхъ, неудовлетворенныхъ въ своихъ ожиданіяхъ «настоящей воли», одинаково казалось теперь возможнымъ какъ правительству, такъ и революціонному «моло-

*) Этотъ взглядъ на народъ получилъ чрезвычайно яркое выраженіе въ стихотворномъ «отрывкѣ» Н. А. Некрасова, относящемся къ 1858 году:

Ночь. Успѣли мы вѣсѣмъ насладиться.
Что жъ намъ дѣлать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаемъ, чего пожелать.
Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чѣи не плачутъ суровыя очи,
Чѣи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чѣи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредеть по житейской дорогѣ
Въ безразсѣтной, глубокой ночи
Безъ понятій о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

Прим. къ русск. изданію.

дому поколѣнію», т. е. тому общественному слою, который впоследствии скромно назвал себя «интеллигенціей». Что же касалось окончательнаго результата удачнаго всенароднаго возстанія, то «молодое поколѣніе», вследствие зародившейся въ немъ жажды революціонной борьбы, должно было рисовать его въ своей фантазіи совѣтъ не такъ, какъ рисовался онъ въ воображеніи западниковъ. Трудно-ли повѣрить въ благія послѣдствія революціи тому, у кого въ надежды сводятся именно къ революціи? Къ услугамъ революціонной молодежи какъ нельзя болѣе кстати явилась та идеализація старыхъ, вѣками завѣщанныхъ намъ формъ народнаго быта, которая играла такую видную роль въ произведеніяхъ славянофиловъ. Западники ровно ничего не ожидали отъ народной самостоятельности; славянофилы говорили, что въ народѣ кроются богатые задатки самостоятельнаго «гармоничнаго» развитія *). Революціонная молодежь конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ вполне согласилась въ этомъ случаѣ со славянофилами, принявъ какъ догматъ, что «гармоническое развитіе» пойдетъ въ сторону социализма, и дополнивъ вѣру въ «самобытные задатки» этого развитія вѣрой въ прогрессивное воздѣйствіе революціонной интеллигенціи. Такимъ образомъ старый споръ былъ, казалось, оконченъ, роковой вопросъ рѣшенъ: и «сверху», со стороны «интеллигенціи», и «снизу», со стороны народа, ничего не предвидѣлось, кромѣ «прогресса», и мы чрезвычайно быстро пошли по пути... славянофильской передѣлки западно-европейскаго утопическаго социализма. Восторженно чтя память Бѣлинскаго, мы усвоили себѣ тотъ самый взглядъ на общественную жизнь, который такъ часто будилъ его полемическую страсть и который казался ему *верхомъ непослѣдовательности, торжествомъ обскурантизма*.

Чернышевскій сблизился со славянофильскою школою въ своемъ взглядѣ на общину; Шаповъ пошелъ въ этомъ направленіи несравненно дальше Чернышевскаго; а Бакунинъ былъ убѣжденъ, что въ русскомъ народѣ находятся на лицо въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, тѣ «элементы», которые являются необходимыми условіями социальной революціи. Побѣдить своихъ враговъ народу мѣшаетъ недостатокъ сплоченности и организаціи, а не отсутствіе «общаго идеала», который «былъ бы способенъ осмыслить народную революцію, дать ей опредѣленную цѣль». Такой общій идеалъ, по мнѣнію Бакунина, существуетъ, «и нѣтъ даже необходимости далеко углубляться въ историческое сознаніе нашего народа, чтобы опредѣлить его главныя черты». Важнѣйшей чертой народнаго идеала оказывается «убѣжденіе въ томъ, что земля, вся земля принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ, оплодотворяющему ее своимъ трудомъ»; вторая черта—приверженность къ общинному

*) Ю. Самаринъ, указывая на то, что западный міръ выставляетъ теперь (т. е. въ сороковыхъ годахъ) «требованіе общины» (т. е. социализма), прибавлялъ, что это требованіе «совпадаетъ съ нашей субстанціей» и что «въ оправданіе формулы мы приносимъ быть». Въ этомъ онъ видѣлъ точку соприкосновенія нашей исторіи съ западною (см. Пыпина: «Характеристика литературныхъ мнѣній», стр. 298). Въ этомъ взглядѣ Самарина заключается *ap sich* почти все русское народничество.

Прим. къ русск. изданію.

землевладѣнію; третья, «одинаковой важности съ двумя предыдущими, это квази-абсолютная автономія, общинное самоуправленіе и, вследствие того, рѣшительно враждебное отношеніе къ государству» *).

«Углубляясь въ историческое сознаніе нашего народа», славянофилы находили, что народный идеалъ былъ въ значительной степени осуществленъ въ нашемъ старомъ, допетровскомъ *государствѣ*. Шаповъ и Бакунинъ видѣли въ *государствѣ отрицаніе* народнаго идеала, *посвященіе на самоуправленіе общины* и на свободную федерацію этихъ общинъ «*снизу вверхъ*». Такимъ образомъ центръ тяжести идеализаціи «историческаго сознанія нашего народа» частью переносился въ древнѣйшій, домосковскій періодъ, частью приурочивался къ народнымъ протестамъ противъ непрерывнаго роста податей и повинностей, шедшаго рука объ руку съ развитіемъ и упроченіемъ государства **). Русскіе народники, ближайшіе потомки русскихъ бакунистовъ, казались И. С. Аксакову непослѣдовательными, сбившимися съ прямого пути славянофилами. Съ своей стороны народники могли упрекнуть славянофиловъ въ томъ, что они, «углубляясь въ историческое сознаніе нашего народа», останавливались на поль-дорогѣ и идеализировали такія черты общественныхъ отношеній Московской Руси, въ которыхъ самъ народъ не видѣлъ ровно ничего идеальнаго.

Какъ бы тамъ ни было, указывая на отсутствіе сплоченности и организаціи въ народѣ, Бакунинъ тѣмъ самымъ опредѣлялъ задачу революціонной интеллигенціи: объединить народные протесты, придать имъ стройный организованный видъ. Эту задачу и старались всѣми силами разрѣшить всѣ наши революціонеры половины семидесятыхъ годовъ, находившіеся подъ влияніемъ бакунинскихъ воззрѣній.

Бакунизмъ, это тоже доктринерство, тѣмъ болѣе крайнее и упрямое въ своихъ выводахъ, чѣмъ глубже презиралъ доктринеровъ его основатель. Ни одно изъ положеній Бакунина не могло бы выдержать самаго легкаго прикосновенія научной критики. Но въ бакунизмѣ была одна сильная сторона, спасшая его сторонниковъ отъ застоя. Этой сильной стороной являлось *пристрастіе* къ «агитаціи», къ «бунтамъ». Какими нелѣпыми доводами защищали «бунты» нѣкоторые изъ русскихъ бакунистовъ, могла бы показать ходившая въ концѣ семидесятыхъ годовъ изъ кружка въ кружокъ рукописная брошюра покойнаго Каблица: «*Мысли революціонера*». Основное положеніе ея заключалось въ томъ, что такъ какъ *умъ* всегда повинуется *чувству*, а чувство воспитывается *упражненіемъ*; такъ какъ кромѣ того *бунты* воспитываютъ въ народѣ *чувство протеста*, то они гораздо скорѣе, чѣмъ *пропаганда*, подготовятъ его къ социальной революціи. *Народники* (*общество «Земля и Воля»*) подсмѣивались надъ этой брошюрой, авторъ которой никогда не считался дѣльнымъ революціонеромъ. Но это не мѣшало имъ видѣть въ бунтахъ лучшее воспитательное средство для народной массы. Они сами бредили «агитаціей», они сами всюду

*) «Государственность и анархія», примѣчаніе А, стр. 7—10,

***) И. С. Аксаковъ третировалъ Разина и Пугачева, какъ *разбойниковъ*; М. А. Бакунинъ считалъ разбойниковъ *инстинктивными революціонерами*.

Прим. къ русск. изд.

искали «бунтовъ», а именно это обстоятельство рано или поздно должно было эмансипировать ихъ отъ *бакунизма*.

«Несмотря на недостатки въ немъ сплоченности и организаціи, нашъ народъ непрерывно протестовалъ противъ гнета государства и высшихъ сословій. Онъ и до сихъ поръ съ нимъ не помирился. И до сихъ поръ то здѣсь, то тамъ постоянно волнуются крестьяне. Мы должны пользоваться этими волненіями, мы должны расширять и организовать ихъ». Такъ говорилъ бунтари-народники, и уже съ конца 1876 г. общество «*Земля и Воля*», въ программу котораго вошли всѣ основныя положенія бакунизма, стало заводить прочныя «*поселенія въ народѣ*», постепенно распространившіяся по всему среднему и нижнему Поволжью, на Дону, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ. Дѣло шло, пожалуй, очень недурно; поселенцы не рѣдко становились вліятельными людьми въ деревнѣ. Но отъ этого мало выигрывало «*святое дѣло бунта*», какъ выражался Бакунинъ. Идя «*въ народѣ*», бунтарь помнилъ преимущественно то, что въ Россіи ежегодно происходитъ не мало столкновеній крестьянъ съ помещиками и администраціей. Это была, такъ сказать, *качественная* сторона дѣла, повидимому ручавшаяся за «бунтарское» настроеніе народной массы. Но, *поселившись* въ деревнѣ, онъ подъ вліяніемъ опыта, а отчасти, пожалуй, и скуки, переходилъ къ *количественной* сторонѣ того же дѣла. У него возникалъ такой вопросъ: сколько лѣтъ мнѣ придется ждать бунта въ моей деревнѣ, принимая во вниманіе, что нѣсколько десятковъ крестьянскихъ волненій ежегодно приходится на нѣсколько сотъ тысячъ деревень? Въ отвѣтъ получалась довольно таки большая цифра, погружавшая «бунтара» въ крайне грустныя размышленія. Къ этому присоединялось еще и вотъ что.

«Бунтарь» шелъ въ народѣ съ тѣмъ, чтобы поднимать его противъ *всякаго вообще государства* во имя свободной федераціи свободныхъ общинъ. Но на дѣлѣ выходило, что *агитация*, по скольку она возможна была въ деревнѣ, сводилась къ протесту противъ *нѣпьюшняго полицейско-сословнаго государства*. Проклинавшій «*политику*» бунтарь на дѣлѣ оказывался прежде всего *политическимъ агитаторомъ*, хотя въ деревнѣ «народные идеалы» ставили даже и для такой агитаціи очень тѣсные предѣлы: въ большинствѣ случаевъ крестьяне упорно связывали съ *вѣрой въ царя* всѣ свои надежды на лучшее будущее *).

Но въ деревнѣ жизнь текла медленно; въ городѣ впечатлѣнія смѣнялись несравненно быстрѣе. Съ тогдашней бунтарско-народнической точки зрѣнія роль *города* въ предстоящей революціи была совершенно ничтожна. Бунтовать надо было *народѣ*, а народъ, настоящій, неиспорченный цивилизаціей народъ можно было найти только въ деревнѣ. Но жившимъ въ деревняхъ «бунтарямъ» нужны были паспорта, деньги, адреса, связи, новыя, свѣжія революціонныя силы. Поэтому многіе изъ ихъ товарищей оставались въ городахъ, гдѣ только и можно было найти средства для удовлетворенія всѣхъ этихъ многообразныхъ потребностей. Занятые преимущественно дѣлами *организаціи* оставшіеся въ

*) Потому-то такъ называемое *чигиринское дѣло* и осталось самымъ крупнымъ проявленіемъ революціонной работы народниковъ въ крестьянской средѣ.

Прим. къ русск. изд.

городахъ «бунтари» и тамъ не упустили, однако, случаевъ предаться *святому дѣлу бунта*. А въ городахъ, особенно въ Петербургѣ, такихъ случаевъ было тогда не мало. Уже одни политическіе процессы давали прекрасные поводы для агитаціи. Къ этому надо прибавить довольно крупныя стачки рабочихъ, довольно громкіе студенческіе «безпорядки»... Начиная съ весны 1876 г. въ Петербургѣ происходитъ рядъ демонстрацій, которыя доходятъ до своего апогея весной 1878 г., во время *процесса В. И. Засуличъ*. Страсти все болѣе и болѣе разгораются; борьба становится все болѣе и болѣе ожесточенной. И здѣсь особенно замѣтно, что борьба ведется не съ *государствомъ* вообще, а съ *политическимъ* государствомъ. *Лавристы* не переставали кричать, что бунтари, забывъ о *соціализмѣ*, борются лишь за *политическую свободу*. «Бунтари» и сами чувствовали, что ихъ *агитационная дѣятельность* плохо вяжется съ ихъ «*соціализмомъ*», но вѣрный революціонный инстинктъ неудержимо толкалъ ихъ впередъ, и они, очень слабо и неудачно защищая свою агитацію *въ теоріи*, очень ловко и настойчиво занимались ею на *практикѣ*.

Борьба велась главнымъ образомъ силами «*интеллигенціи*». Рабочее население столицы только еще начинало тогда входить во вкусъ «*неповиновенія власти*», и какъ ни быстро прогрессировало оно въ этомъ направленіи, оно еще не оказывало *массовой* поддержки революціонерамъ. Такъ называемое общество, въ тайнѣ сочувствуя революціонерамъ, ясно видѣло, что сила еще не на ихъ сторонѣ, и потому не вышивалось въ открытыя столкновенія ихъ съ правительствомъ. Такимъ образомъ въ случаяхъ подобныхъ столкновеній революціонная интеллигенція была почти цѣликомъ предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Этихъ силъ было слишкомъ мало не только для *побѣды*, но даже для сколько-нибудь *серьезнаго сопротивленія въ открытомъ бою*. Но во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ борьба разгорѣлась уже такъ сильно, что необходимо должна была дойти до своего логическаго конца. Слѣдовательно, надо было найти для нея *новыя приемы*. Эти приемы даны были въ *террорѣ*, который уже практиковался тогда подъ названіемъ *дезорганизаціи правительства*. Терроръ позволялъ наносить правительству сильные удары, несмотря на очевидное, страшное превосходство его силъ надъ силами революціонеровъ. Этого было достаточно для того, чтобы привлечь къ нему всѣ симпатіи революціонеровъ. «Бунтарская» дѣятельность въ народѣ незамѣтно отошла на второй планъ, жившіе въ деревняхъ «бунтари» съ отчаяніемъ увидѣли, что притокъ къ нимъ новыхъ силъ совершенно прекращается. Они, восхищавшіеся прежде каждымъ удачнымъ террористическимъ дѣйствіемъ своихъ городскихъ товарищей, стали *рѣшительно и страстно отрицать террорѣ*. Обыкновенно исторія этихъ разногласій изображается въ томъ видѣ, что народники стараго направленія стояли за какую-то мирную дѣятельность, а террористы стремились къ революціи. Въ дѣйствительности споръ шелъ о томъ, продолжать ли *революціонныя*, — «*бунтарскія*», — попытки въ народѣ, или, *макнувъ рукой на народѣ*, ограничить революціонное дѣло *единоборствомъ интеллигенціи съ правительствомъ*. Споръ этотъ долженъ былъ рѣшиться на Воронежскомъ съѣздѣ лѣтомъ 1879 года.

Мы видѣли, что бунтарская дѣятельность въ деревнѣ оказалась далеко не такой легкой задачей, какой считали ее бунтари, заводя свои «поселенія». Ста- новилось ясно, что широкій крестьянскій «бунтъ» могъ быть дѣломъ развѣ лишь очень далекаго будущаго, между тѣмъ какъ «терроръ» сулилъ близкую побѣду. Всѣ не могли не склониться въ пользу террора.

На Воронежскомъ съѣздѣ оппозиція «деревенщиковъ» привела лишь къ тому, что общество «Земля и Воля», возникшее за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ исключительною цѣлью агитаціи въ народѣ, согласилось *поддерживать* бунтарскія «поселенія», посвящая имъ одну треть своихъ средствъ. И всѣ пони- мали тогда, что это только временная уступка со стороны «террористовъ», что ихъ дѣятельность въ концѣ концовъ поглотитъ даже и тѣ средства, кото- рыя они согласились предоставить въ распоряженіе «бунтарей». Разрывъ сталъ неизбеженъ. Но онъ ни мало не измѣнилъ естественнаго теченія событій. Старое революціонное народничество было осуждено на смерть самою жизнью, попытка «чернопеределъцевъ» привлечь къ нему новыя силы окончилась пол- нѣйшей неудачей. Даже та часть революціонной молодежи, которая сочувство- вала программѣ «Чернаго Передѣла», не покидала городовъ, и скоро одно за другимъ исчезли всѣ или почти всѣ «бунтарскія» «поселенія въ народѣ».

Сосредоточить всѣ силы на «террорѣ» значило направить ихъ дѣлькомъ на борьбу за ту политическую свободу, которую предавалъ анаемъ каждый нравовѣрный бакунистъ и народникъ. На практикѣ партія «Народной Воли» была поэтому полнымъ отрицаніемъ бакунизма и народничества. Но теоретически она была какъ нельзя болѣе далека отъ полного разрыва съ ними. Она еще твердо держалась завѣщаннаго утопическимъ социализмомъ противопоставленія «соціализма» «политикѣ». Ея социалистическая совѣсть не могла оправдать ея исключительное занятіе политической борьбою. Еще громче, чѣмъ социали- стическая совѣсть возбужденной и увлеченной борьбою «Партіи Народной Воли», роптала окружающая ее, какъ атмосфера, но не принадлежащая къ ея организаціи масса революціонной интеллигенціи. Противоположеніе социализма политикѣ становилось тормазомъ движенія. Устранить этотъ тормазъ помогла теорія захвата власти. Народовольцы стали рассуждать такъ: если бы наша борьба привела только къ торжеству политической свободы, то это, дѣйстви- тельно, могло бы быть вредно для народа, такъ какъ за политическимъ освобо- жденіемъ послѣдовало бы усиленное развитіе капитализма, а слѣдовательно и усиленное разложеніе старыхъ экономическихъ основъ крестьянскаго быта. Но если мы, социалсты, въ искренности которыхъ нельзя сомнѣваться, сумѣемъ, поваливъ абсолютизмъ, захватить власть въ свои руки, то востор- жествуетъ уже не капитализмъ, а социализмъ, и народъ безконечно много вы- граетъ отъ нашего успѣха. Осуществленіе нашей социалистической программы будетъ для насъ тѣмъ легче, что въ Россіи очень слабо развитъ капитализмъ, что въ ней очень прочна община, очень крѣпки народные идеалы, и что вообще она не-Западъ *). Такимъ образомъ то самое теоретическое затрудненіе, кото-

*) Для примѣра см. статью Л. Тихомирова: «Чего намъ ждать отъ рево- люціи?» во второй книжкѣ «Вѣстника Народной Воли».

рое, казалось бы, должно было заставить русскихъ революціонеровъ подвергнуть критическому пересмотру всѣ основы «русскаго», отрицавшаго политику соци- ализма, на первыхъ порахъ привело лишь къ укрѣпленію и безъ того силь- ныхъ въ немъ элементовъ славянофильства. Покойный Тихомировъ былъ уже настоящимъ славянофиломъ, хотя и не анархическаго, какъ Бакунинъ, а яко- бинскаго толка. Съ появленіемъ «Партіи Народной Воли» вообще восторжество- вало у насъ оставшееся до тѣхъ поръ чрезвычайно слабымъ яkobинское направленіе Ткачева. Но не нужно забывать, что Ткачевъ совершенно раздѣ- лялъ общіе взгляды Бакунина на русскую народную жизнь, расходясь съ нимъ лишь по вопросамъ о приемахъ революціонной борьбы и о значеніи «государ- ства». Поэтому яkobинскій духъ «Партіи Народной Воли» вовсе не обозначалъ собою полного разрыва съ бакунизмомъ.

«Терроръ» явился у насъ естественнымъ плодомъ слабости силъ револю- ціонной партіи, пытавшейся, несмотря на эту слабость, нанести окончатель- ный ударъ правительству. Та же самая причина обусловила собою и неудачу террористической борьбы. Послѣ 1-го марта 1881 года «Партія Народной Воли» быстро клонится къ упадку. Въ концѣ первой половины 80-хъ годовъ орга- низованное революціонное движеніе перестало существовать въ Россіи. Его циклъ былъ законченъ. Революціонная интеллигенція обнаружила геройское самоотверженіе; она совершила блестящіе подвиги, но ея силы были оконча- тельно истощены, между тѣмъ какъ реакція росла и крѣпла.

Наступившее затихше было благоприятно для русской революціи, по край- ней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи: оно давало уцѣлѣвшимъ отъ погрома револю- ціонерамъ поводъ и время подвергнуть критическому обзору всю предыдущую исторію ихъ движенія. Когда все приходилось начинать заново, ничто не могло помѣшать обновленію нашихъ революціонныхъ теорій. Всякій революціонеръ, не принеся своей «критической мысли» въ жертву «великимъ тѣнямъ», невольно спрашивалъ себя,—что такое собственно былъ тотъ «социализмъ», подъ знаменемъ котораго совершалась до сихъ поръ наша борьба? При нѣко- торомъ знакомствѣ съ западно-европейской социалистической литературой легко было увидѣть, что во всѣхъ своихъ видахъ и разновидностяхъ представ- лялъ онъ собою самую плоскую переработку утопическаго социализма. А разъ была обнаружена его теоретическая несостоятельность, нетрудно было понять, въ чемъ заключался источникъ его практической слабости.

Какъ мы видѣли, наша интеллигенція уже съ начала шестидесятыхъ годовъ хорошо сознавала, что ей надо искать поддержки въ «народѣ». Въ восьми- десятыхъ годахъ, когда опытъ такъ явственно подтвердилъ ей, что она своими собственными силами не одолѣетъ царизма, «народъ» долженъ былъ явиться въ ея глазахъ еще болѣе желаннымъ союзникомъ. Но прежде интеллигенція смотрѣла на «народъ» черезъ славянофильскую призму. Теперь тотъ же опытъ,—неудача народническихъ революціонныхъ усилій,—заставлялъ подозрѣ- вать, что эта призма искажаетъ истинные образы предметовъ. Счи- тавшійся окончательнымъ споръ славянофиловъ съ западниками оживалъ въ новомъ видѣ.

«Народные идеалы» (оставляя в стороне вопрос о том, насколько правильно *народническое* представление о них) ни в каком случае не могут служить показателем *будущаго* общественного развития страны. «Идеалы» всякаго народа возникают на реальной общественной основѣ. Съ исчезновеніемъ этой основы они продолжаютъ еще существовать нѣкоторое время по закону инерціи, чтобы исчезнуть затѣмъ въ свою очередь, уступивъ мѣсто новымъ идеаламъ, выходящимъ на почвѣ новыхъ условий. «Углубиться» въ «историческое сознание» народа всегда полезно; но еще полезнѣе для революціонной партіи «углубиться» въ изученіе *экономіи* той страны, гдѣ она дѣйствуетъ. Да и этого мало. Не довольствуясь констатированіемъ *существующихъ* отношений, она должна опредѣлить направленіе ихъ *развитія*, понять смыслъ того, что *возникаетъ*. Сила исторической философіи Маркса, которая въ восьмидесятыхъ годахъ была уже общепризнанной основой западно-европейскаго социализма и съ которой, слѣдовательно, намъ прежде всего надо было справиться, заключается именно въ томъ, что она разсматриваетъ всѣ общественныя явленія съ точки зрѣнія ихъ развитія, съ точки зрѣнія ихъ возникновенія и уничтоженія. Марксизмъ никогда не искалъ въ *застой* основы ни для революціонныхъ ожиданій въ будущемъ, ни для практическихъ революціонныхъ дѣйствій въ настоящемъ. Съ точки зрѣнія марксизма ясно было, что не экономическій застой, охраняющій старыя формы жизни, а экономическое *движеніе*, расплывающееся историческую основу царизма, подготовить у насъ торжество революціонной партіи. Въ примѣненіи къ «народу» это означало, что рѣшающая прогрессивная роль въ дальнѣйшемъ развитіи Россіи будетъ принадлежать не тѣмъ слоямъ ея населенія, которые живутъ при старыхъ, постепенно исчезающихъ условіяхъ, а тѣмъ, которые возникаютъ, растутъ и усиливаются вслѣдствіе современнаго намъ экономическаго развитія. Естественнымъ, ближайшимъ союзникомъ революціонеровъ оказывался поэтому не ветхозавѣтный *крестьянинъ*, а современный *пролетарій*. Не сразу освоился съ этимъ выводомъ «русскій социалистъ», которому двадцатилѣтняя привычка мѣшала видѣть въ пролетаріатѣ что-либо, кромѣ пассивнаго продукта исторической «буржуазной цивилизаціи». Та же привычка заставляла его преувеличивать экономическую самобытность Россіи. Даже переставъ видѣть въ нашей экономической отсталости надежнѣйшій залогъ своего успѣха, онъ все-таки не безъ труда могъ освоиться съ тою мыслью, что исторія безъ его вѣдома и вопреки какъ его собственнымъ, такъ и «народнымъ идеаламъ» уже создала новую революционную силу. Но факты говорили сами за себя. Всѣ изслѣдователи русской жизни сходились между собою въ томъ, что внутреннее разложеніе общины идетъ впередъ съ постоянно возрастающимъ ускореніемъ, что въ завѣщанномъ намъ исторіей крестьянскомъ *сословіи* быстро образуются два новыхъ класса: буржуазія и пролетаріатъ; что капитализмъ торжествуетъ по всей линіи. Правда, почти каждый изслѣдователь былъ при этомъ убѣжденъ, что дѣло можно еще поправить и предлагалъ свою утопію съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ гомеопатическимъ характеромъ. Но мы уже знали цѣну утопіямъ.

Неожиданный для насъ самихъ выводъ относительно революціоннаго значенія русскаго пролетаріата какъ нельзя болѣе подтверждался *исторіей нашего движенія*. «Бунтари»-народники никогда не задавались, да и не могли задаваться цѣлью систематическаго воздѣйствія на промышленный пролетаріатъ; единственное, что они могли сказать ему, сводилось къ очень мало утѣшительному и вовсе непоучительному выводу: ты—испорченное цивилизаціей дитя русскаго народа; и лучше было бы, если бы тебя совсѣмъ не существовало. Само собою понятно, что столь печальный выводъ никакъ не могъ содѣйствовать политическому развитію русскаго рабочаго класса. Но—такова сила вещей!—его сознание *все таки развивалось*. Рабочая масса уже въ половинѣ 70-хъ годовъ приходила къ тому убѣжденію, что студенты (такъ называлъ да, вѣроятно, и теперь называетъ народъ революціонеровъ), борясь съ правительствомъ, отстаиваютъ самые насущные народные интересы. А что касается *передовыхъ представителей* этой массы, то они въ лицѣ «*Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза*» раньше *интеллигенціи* поняли нелѣпость противоположенія политики социализму *).

Обезнародьте народъ, разсуждалъ въ 60-хъ годахъ славянофилъ И. С. Аксаковъ, и наши теоріи окажутся лишенными всякой реальной основы; у насъ явится почва для революціонныхъ движеній, подобныхъ западно-европейскимъ. И. С. Аксаковъ правъ, хотя въ качествѣ русскаго «интеллигента» 40-хъ годовъ онъ былъ лишенъ всякаго экономическаго образованія, а поэтому даже и не подозрѣвалъ, откуда можетъ взяться влияніе, способное *обезнародить народъ*, идеализованный славянофилами.

Русское правительство вынуждено было продолжать начатый Петромъ процессъ европеизаціи, хотя само оно, конечно, ни мало не думало при этомъ о прогрессивномъ воздѣйствіи на русскій народъ. Оно повиновалось всемогущей исторической необходимости, но мало-по-малу европеизація коснулась самыхъ глубокихъ основаній русской народной жизни, перестроила всю экономику Россіи, и необходимымъ слѣдствіемъ этого явилось враждебное правительству освободительное *теченіе снизу*. Старый споръ славянофиловъ съ западниками, начавшійся на философской почвѣ, рѣшался политической экономіей.

Разъ обращено было революціонерами вниманіе на это рѣшеніе, возставлялась логическая нить развитія русской революціонной мысли, порванная проникновеніемъ въ Россію теорій утопическаго социализма. Еще Бѣлинскій съ восторгомъ привѣтствовалъ появленіе «*Deutsch-Französischen Jahrbücher*» Маркса и Руге. А теперь мы, русскіе социаль-демократы, считаемъ распространеніе въ Россіи взглядовъ Маркса важнѣйшей задачей нашей пропаганды.

Итакъ, наша новая точка зрѣнія дѣлала рѣшительно невозможнымъ для насъ страхъ передъ успѣхами русскаго *капитализма*, совершенно немислимымъ сомнѣніе относительно пользы *политической свободы*. Противопоставленіе социализма «политикѣ», очень вредное на практикѣ, оказывалось нелѣпымъ и

*) См. объ этомъ въ моей брошюрѣ: «Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи».

въ теоріи, такъ какъ *ослая классовая борьба есть борьба политическая*, Народовольческая фикція захвата власти социалистами-заговорщиками становилась излишней, потому что само собою падало то затрудненіе, въ виду котораго она была придумана. Она уступала мѣсто сознанию необходимости воспитывать пролетаріатъ для его будущаго господства. Наконецъ измѣнился взглядъ и на терроръ. Когда борьба велась силами одной интеллигенціи, онъ сдѣлался безусловно неизбѣжнымъ, какъ только борьба достигла значительной степени напряженности. Но когда расширился русскаго революціоннаго движенія, онъ приобретаетъ условное, относительное значеніе пріема, который можетъ быть полезенъ, а можетъ быть и вреденъ, смотря по положенію дѣлъ партій въ данное время.

Взгляды русскихъ социаль-демократовъ на первыхъ порахъ вызвали противъ себя дѣлую бурю. Но постепенно волненіе улеглось, и теперь послѣ десятилѣтней литературной дѣятельности мы можемъ сказать, что въ теоретическомъ отношеніи наша дѣла почти достигнута: возвратъ къ старымъ революціоннымъ теоріямъ теперь уже совершенно невозможенъ, и каждая, даже самая враждебная намъ группа русскихъ революціонеровъ на три четверти усвоила себѣ наши идеи. Если многіе до сихъ поръ еще не *совсѣмъ* соглашаются съ нами, то это происходитъ потому, что, къ сожалѣнію, многіе еще не *вполнѣ насъ понимаютъ*.

Во-первыхъ, нашего «интеллигента» все еще продолжаетъ смущать призракъ неподвижности русскихъ экономическихъ отношеній. Онъ все еще нерѣдко продолжаетъ сомнѣваться въ примѣнимости къ намъ марксизма въ томъ основаніи, что у насъ *«мало рабочихъ»*. Но эти сомнѣнія являются послѣдними, предсмертными судорогами стараго, утопическаго міросозерцанія. Вырванъ корень этого міросозерцанія, мы, конечно, скоро приведемъ вѣнчикъ товарищескаго убѣжденія въ томъ, что если у насъ *«мало рабочихъ»*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что у насъ должно быть *«много утопическихъ предрасположеній»*. Уже близко то время, когда *марксизмъ* станетъ единственнымъ критеріемъ вѣрности революціонныхъ программъ и ученій.

Во-вторыхъ, и именно въ силу правила: *«возмъжай недосказанъе рабочае обиліе предрасудковъ»*, наши взгляды часто истолковываются въ томъ смыслѣ, что мы, стремясь имѣть дѣло съ рабочими, не хотимъ ничего знать, кромѣ рабочихъ. покойный Пржевальскій рассказывалъ въ одномъ изъ своихъ путешествій, что онъ и его товарищи заводили большихъ собакъ, отгонявшихъ отъ ихъ стоянокъ туземцевъ. Насъ понимаютъ иногда въ томъ смыслѣ, что мы не прочь подражать Пржевальскому, чтобы отогнать отъ себя всѣ слои русскаго населенія, кромѣ пролетаріата. Но если бы кто-нибудь изъ русскихъ социаль-демократовъ и заслужилъ подобный упрекъ, то это показывало бы только, что онъ не понимаетъ того самаго ученія, подъ знамя котораго становится. Ученіе Маркса должно и будетъ служить намъ не для того, чтобы отталкивать отъ себя недовольные элементы русскаго населенія, но для того, чтобы умѣть привлекать ихъ и воздѣйствовать на нихъ, не смущаясь никакими предрасудками. Какъ показано выше, уже бунтари-народники вынуждены были вести

политическую борьбу, хотя и считали политическую свободу вредной буржуазной выдумкой. Мы будемъ вести ту же борьбу, хорошо сознавая значеніе политическихъ правъ въ дѣлѣ освобожденія рабочихъ. «Партія Народной Воли» сосредоточила всѣ свои силы на борьбѣ съ царской властью, извиняясь передъ «социализмомъ» съ помощью *фикцій*. Мы будемъ продолжать ея великое дѣло, но мы не будемъ нуждаться въ фикціяхъ; для насъ не существуетъ противоположенія *социализма политикъ*, бунтари отрицали ее во имя *«агитаціи»*. Мы будемъ заниматься и тѣмъ и другимъ, такъ какъ никакая агитація *немыслима* безъ пропаганды и всякая пропаганда *безмысленна*, если она не приводитъ къ агитаціи, *ко вліянію на массу*.

Революціонное затишье, наступившее въ Россіи послѣ 1-го Марта 1881 года, многимъ казалось страннымъ, почти необъяснимымъ. Но въ сущности причины его совершенно ясны. Движеніе семидесятыхъ годовъ было, какъ я сказалъ, преимущественно движеніемъ «интеллигенціи», иначе разнчинцевъ, этого перваго общественнаго слоя, всколыхнушагося подъ вліяніемъ глубокаго социальнаго переворота, пережитаго Россіей въ предшествовавшее десятилѣтіе. Силы этого слоя были окончательно истощены въ такое время, когда другіе, болѣе сильные слои еще не могли взять его дѣло въ свои руки. Рабочій классъ еще только *созрѣвалъ* для революціонной борьбы, а терроръ скорѣе замедлилъ, чѣмъ ускорилъ процессъ его созрѣванія. Буржуазія въ ея дѣломъ имѣла не мало причинъ быть недовольной правительствомъ, но гораздо болѣе многочисленныя и гораздо болѣе важныя причины заставляли ее «обождать монарха». Реформы Александра II дали ей множество способовъ легкой и вѣрной наживы. Онѣ впервые сдѣлали ее вліятельнымъ общественнымъ классомъ. Изъ официальныхъ данныхъ видно, что русскіе предприниматели получаютъ, говоря вообще, огромную прибыль на своихъ капиталахъ. Правительство, которое создаетъ, поддерживаетъ и умножаетъ условія для столь быстраго роста капитала, не можетъ не имѣться капиталистамъ *почти идеальнымъ* правительствомъ. Вотъ почему наши «либералы» увлекались до сихъ поръ только людей *«либеральныхъ профессоровъ»*, преподавателей, журналистовъ, адвокатовъ и т. п. *либераловъ по профессіи*. Эта часть буржуазіи либеральничала въ мѣру своихъ силъ, т. е. очень скромно. Остальная, наибольшая и несравненно болѣе вліятельная часть ея видѣла въ революціонерахъ вредѣйшихъ враговъ «порядка», т. е. ея собственнаго, баснословно быстраго обогащенія. Еще совсѣмъ недавно (22 мая стараго стиля) министръ финансовъ на торжественномъ засѣданіи рыбинской биржи по случаю ея пятидесятилѣтія, провозгласивъ тость за *русское купечество*, сказалъ, что «историческій» опытъ показываетъ и самъ онъ проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что торговое сословіе составляетъ надежный оплотъ престолу и отечеству, и что, безъ сомнѣнія, и впредь будетъ такъ и *«всегда во вѣки вѣковъ»* (это подлинныя слова ч. министра). Но извѣстно, что, когда официальные лица разсуждаютъ объ исторіи, они видятъ только *ея заднюю часть*. Г. министръ позабылъ спросить себя, на чемъ основывается его вѣра въ будущій, вѣковѣчный союзъ «россійскаго купечества» съ монархіей. Купеческая мощь—ненадежный союзникъ. Она поддерживаетъ лишь тѣхъ, отъ кого ожи-

даетъ выгоды, и только до тѣхъ поръ, пока ожидаетъ выгоды. Она не знаетъ благодарности. Русскій абсолютизмъ въ послѣднія два царствованія ревностно служилъ буржуазіи. Но чѣмъ болѣе усердствовалъ онъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе подрывалъ онъ свои средства служить ей *въ будущемъ*. Ея баснословно быстрое *обогащеніе* покупалось цѣною столь же быстрога *обнищанія* крестьянства. Дѣло дошло наконецъ до того, что земледѣльческое населеніе оказалось осужденнымъ на *хроническій голодъ*. Но хроническій голодъ въ странѣ, гдѣ фабрично-заводское производство рассчитано преимущественно на внутренний рынокъ, грозитъ банкротствомъ самой буржуазіи. Уже по одному этому ея преданность и престолу и отечеству (т. е., на официальномъ языкѣ, тому же престолу) подвергается сильному испытанію; но это далеко не все. Разоривъ мужика, правительство вынуждено будетъ обратиться за деньгами къ той самой буржуазіи, которая умѣла только *получать* ихъ изъ государственнаго казначейства въ видѣ всевозможныхъ «субсидій». Подобнаго испытанія купеческая мошна не выдержитъ, и мы, вопреки увѣренности г. министра финансовъ, можемъ высказать свою увѣренность въ томъ, что приближается время разрыва «россійскаго купечества» со *всероссійскимъ деспотизмомъ*.

Наша буржуазія еще очень плохо воспитана въ политическомъ отношеніи. Пока будетъ совершаться ея политическое воспитаніе, ея передовые элементы, ея «идеологи» по необходимости будутъ подпадать подъ вліяніе болѣе зрѣлыхъ элементовъ революціонной «интеллигенціи». Кто понимаетъ важность одного этого обстоятельства для нашего социалистическаго движенія, тотъ не скажетъ, что мы можемъ *не обращать вниманія на буржуазію*.

Но важнѣе этого другое, только что высказанное мною соображеніе. Пока мы «углублялись въ историческое сознаніе русскаго народа», окончательно исчезла та экономическая почва, на которой оно выросло. Дѣло тутъ не въ томъ, что народъ бѣднѣлъ все болѣе и болѣе, какъ ни важно само по себѣ это явленіе. Дѣло въ томъ, что *количественныя измѣненія* въ положеніи земледѣльца, непрерывно накопясь, привели къ глубокому *качественному* его измѣненію. Теперь русскій земледѣлецъ совсѣмъ не тотъ идеализованный крестьянинъ, съ которымъ собирались имѣть дѣло революціонеры-народники 70-хъ годовъ. Совершенно выбитый изъ своего стараго, вѣками завѣщаннаго крестьянскаго обихода онъ поневолѣ приходитъ въ движеніе и поневолѣ начинаетъ расшатывать зданіе абсолютизма, прочно покоившееся на его широкой спинѣ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Вотъ почему было бы величайшей нелѣпностью, невѣроятнѣйшимъ позорнѣйшимъ доктринерствомъ думать, что русскіе социаль-демократы *не должны воздѣйствовать на крестьянство*. Совершенно наоборотъ. Мы *обязаны* воздѣйствовать на крестьянство, мы *обязаны* употребить всѣ усилія, чтобы внести въ его среду революціонное сознаніе, заботясь только о томъ, чтобы *крестьянство перестало воздѣйствовать на насъ*, т. е. чтобы воспоминаніе объ его «историческомъ сознаніи» не поддерживало «интеллигентской» склонности къ утопіямъ. Въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что, воздѣйствуя на крестьянство, интеллигенція должна *твердо держаться точки зрѣнія пролетариата*. А кому ясенъ этотъ смыслъ нашихъ словъ, тотъ понимаетъ, что «много» или «мало»

у насъ «рабочихъ», но правильная оцѣнка современныхъ нашихъ общественныхъ отношеній можетъ быть дана только современнымъ научнымъ социализмомъ, и что дѣло не въ числѣ рабочихъ, существующихъ въ данное время, а въ общемъ направленіи нашего экономическаго развитія *).

Въ Россіи есть люди, уже ставшіе на точку зрѣнія научнаго социализма, но еще не рѣшившіеся признать себя *социаль-демократами*. Это происходитъ потому, что намъ приписываютъ стремленіе ввести у насъ *тактику* нѣмецкихъ социаль-демократовъ. Само собою понятно, что мы были бы сумасшедшими, если бы помышляли о чемъ-нибудь подобномъ. Мы назвали себя *социаль-демократами* не потому, что хотѣли обезьянить нѣмцевъ, а потому, что, по нашему мнѣнію, русскимъ революціонерамъ слѣдовало перестать *обезьянить Бакунина*, считавшаго социаль-демократію воплощеніемъ *реакціи*. Мы убѣждены, что этотъ предразсудокъ долженъ быть уничтоженъ въ интересахъ русскаго рабочаго класса, который даже по легальнымъ изданіямъ можетъ отчасти слѣдить за огромными успѣхами пролетариата сосѣдней страны. Каждая побѣда нѣмецкихъ социаль-демократовъ должна напоминать русскому рабочему, что по обѣ стороны границы борьба ведется, несмотря на различіе мѣстныхъ условий, въ тождество того же самаго принципа. Этого, разумѣется, не достигнете *однимъ названіемъ*; къ этому должна вести *вся наша дѣятельность*, но этому не должно и бѣшать и различіе партійныхъ названій, способное лишь сбивать съ толку людей, не совсѣмъ подготовленныхъ.

Мы будемъ... Но мы можемъ замѣтить, что если кому-нибудь интересны *мо взгляды*, то ни для кого не убѣдительно мои речительства за *будущее*, и что поэтому мы слѣдуетъ говорить: *мы должны, а не мы будемъ*. Я согласенъ признать справедливость подобнаго замѣчанія и говорю: *мы должны* поступать въ указаннымъ образомъ подъ страхомъ революціоннаго *вырожденія*, подъ страхомъ превращенія въ секту, *замѣчательную* только *своимъ бесплодіемъ*, въ *критеріовъ* въ родѣ блаженной памяти лавристовъ...

Въ нашемъ письмѣ Вы спрашиваете меня, товарищи, какова *организация* русскіихъ социаль-демократовъ. Я не хочу вводить Васъ въ заблужденіе; бесѣдуя съ Вами, считаю своею святою обязанностью, по выраженію Лассалля, *ausprechen und*, и потому я отвѣчу Вамъ, что со стороны организациі наше положеніе состоитъ въ томъ, что мы желаемъ очень и очень многого. Въ Россіи вообще, а не только между социаль-демократами пока еще нѣтъ сильной революціонной организациі, остается говорить лишь о нашихъ *пожеланіяхъ* на этотъ счетъ. А пожеланія наши сводятся къ созданію подвижной боевой организациі, въ родѣ общества «Земля и Воля» или «Партіи Народной Воли», организациі, являющейся *соду*, *идь* можно нанести ударъ правительству, *поддерживающей* всякое революціонное движеніе *противъ существующаго порядка вещей, и въ то же время ни на минуту не упускающей изъ виду будущности нашего движенія*.

*) Уже въ «*Нашихъ Разногласіяхъ*» я показалъ, до какой степени неосновательны разсчеты, приводящіе къ выводу: у насъ мало рабочихъ. Но, повторяю, каково бы ни было число ихъ въ настоящее время, изъ него никакъ нельзя вывести нашего права на предразсудки.

Скоро ли намъ удастся осуществить такой идеаль? Не знаемъ. Но то несомнѣнно, что мы тѣмъ скорѣе придемъ къ его осуществленію, чѣмъ скорѣе и полнѣе усвоятъ наши революціонеры принципы *научнаго социализма*.

Нынѣшнее положеніе Россіи какъ нельзя болѣе революціонно. Помѣшать успѣшному дѣйствію революціонеровъ могли бы развѣ лишь два врага: не совсѣмъ еще исчезнувшіе старые предразсудки или плохое, *узкое пониманіе новой программы*. Справившись съ этими врагами, революціонная партія можетъ не бояться за свое будущее. Всѣ объективныя условія ея успѣха находятся налицо, а въ субъективномъ отношеніи ей нужны будутъ тогда только три вещи: *de l'audace, encore de l'audace et toujours de l'audace!*

Г. Плехановъ.

Май 1893 года.